

В. И. ЛЫТКИН (Москва)

К ВОПРОСУ О КОНЕЧНЫХ ГЛАСНЫХ ФИННО-УГОРСКОГО ПРАЯЗЫКА

Известно, что в финно-угорском праязыке были двоякого рода двух-
сложные основы, а именно: оканчивающиеся на краткое *a* (*ä*) и на
краткое *e*. Различие между ними лучше всего сохранилось в финском
языке и в западных диалектах саамского языка, например:

финно-угорское **e*

фин. *mene-* 'идти', саам. *mânâ-*

фин. *nuole-* 'стрела', саам. *njuollâ*

финно-угорское **a* (**ä*)

фин. *elä-* 'жить', саам. *æle-*

фин. *maksa* 'печень', саам. *muok'se*

Финскому *e* закономерно соответствует саамское *ä*, а финскому
a (*ä*) — саамское *e*.

В волжских языках финно-угорское конечное **a* (**ä*) в определен-
ных условиях сохранилось, а *e* вообще отпало. В остальных финно-
угорских языках конечные гласные — за небольшими исключениями —
отпали. Но в этих языках иногда перед суффиксами и окончаниями
восстанавливаются конечные гласные, которые отсутствуют, например,
в именительном падеже (ср. коми *морт* 'человек', но *морт-ö-с* 'чело-
века'). Однако далеко не всегда в восстанавливающихся гласных мы
видим различие между двумя финно-угорскими основами. В этих язы-
ках обычно наблюдается выравнивание гласных второго слога, при
этом часто они становились составным элементом суффикса (ср. коми
вöрын 'в лесу') или же брали на себя определенную грамматическую
нагрузку (ср. коми *вöрö* 'в лес'). Кроме того, во многих языках в раз-
ных формах слов мы имеем различную огласовку, поэтому трудно опре-
делить, какой гласный из этих огласовок (выполняющих уже определен-
ную грамматическую функцию) соответствует первоначальному финно-
угорскому гласному, ср. удм. *кызэн* 'елкой', *кызын* 'в елке' — финно-
угорская *e*-овая основа, *сюрэн* 'рогом', *сюрын* 'в роге' — финно-угор-
ская *a*-овая основа. Который из этих гласных (*э* или *ы*) соотносится
с финно-угорским **e* (**a*)? Между тем в современном удмуртском языке
все существительные склоняются по единой парадигме. Аналогичное
явление встречается и в других финно-угорских языках.

В тех языках, в которых (например, в именительном падеже) не
сохранился гласный основы, мы наблюдаем, как правило, выравнива-
ние основ в косвенных падежах, в них выработались единые парадигмы
для обоих типов финно-угорских основ.

Д. Дечи на основании венгерского материала выдвигает гипотезу о том, что основы двух типов (*e*-овые и *a*-(*ä*)-овые) были лишь в прибалтийско-финско-пермском праязыке, а в финно-угорском праязыке все основы (корни) слов оканчивались только на *a* (*ä*); это финно-угорское **a* (**ä*), по его мнению, перешло в прибалтийско-финско-пермском праязыке в *e* в словах, где был гласный среднего подъема (*mittierer Vokal*).¹

Однако возникает вопрос: не представляют ли собой огласовки, появляющиеся в суффиксальных формах второго слога венгерских слов, продукт обобщения (что наблюдается, как уже отмечено, во многих финно-угорских языках) и поэтому не могут служить материалом при определении качества гласных конца финно-угорских основ. Действительно, в венгерском языке в словах с переднерядным вокализмом перед суффиксами появляется *e* (= *ä*) или *ë*, происходящий, по мнению Дечи, тоже из **ä*, а в словах с заднерядным вокализмом — *a* или *o*, *u* (эти последние, как считает Дечи, возникли из **a* под влиянием гласных среднего подъема первого слога). Словом, Дечи предполагает, что в прошлом была единая огласовка в виде широкой гласной, подчиненной закону гармонии гласных (*a—ä*). Он приводит такие примеры из венгерского языка: *neve-* 'имя', *vérë-* 'кровь', *ménë-* 'идти'; *vasa-* 'железо', *nyalo-* (*nyalu-*) 'лизать' и т. д. — в этих словах до сих пор предполагалось финно-угорское конечное **e*, хотя и конечные гласные венгерского языка представлены в виде *a* и *e* (произносится *ä*) или возводятся к **a* (**ä*). Мы еще раз ставим вопрос: может быть, такой вокализм второго слога возник на почве венгерского (или угорских языков) — в процессе выравнивания огласовок непервого слога?

Интересную мысль Д. Дечи необходимо проверить на материале обско-угорских языков, а также детально изучить вопрос о том, были ли действительно фонетические условия (влияние гласных первого слога, как предполагает Дечи) для перехода конечного *a* (*ä*) в *e* в праприбалтийско-финско-пермский период, а равно и для перехода *ä* в *ë*, *a* в *o*, *u* в венгерском языке. Кроме того, следует подвергнуть коренному пересмотру вопрос о качестве финно-угорских гласных первого слога. Ведь при современном состоянии исследования вокализма финно-угорских языков мы имеем разные конечные гласные (*e*, *a*, *ä*) при одинаковом гласном первого слога, например: венг. *al* 'низ' < **ala*, венг. *ad* 'дать' < ф.-у. **amta-*, венг. *agy* 'мозг' < ф.-у. **ajne*, венг. *aj* (диал.) 'зарубка, овраг' < ф.-у. **ane* (MSzFE I, 69, 73, 75, 79). Подобных примеров множество.

Кроме того, не надо упускать из виду то обстоятельство, что и в самодийских языках есть следы двух видов основ, оканчивающихся на широкий гласный и на узкий гласный.² Поэтому пока нет достаточных оснований для пересмотра проблемы. На данном этапе развития науки о вокализме финно-угорских языков перед языковедами стоит задача — найти новые материалы о гласных непервого слога, пережиточно сохранившиеся в отдельных языках.

В настоящее время мы имеем (не говоря уже о финском и саамском) и в других финно-угорских языках отдельные следы двух типов финно-угорских основ — правда, эти следы обнаруживаются только в

¹ Gy. Décsy, Der gegenwärtige Stand der finnougri-schen Lautforschung. — Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica 2, Hamburg 1968, стр. 43—46.

² T. Lehtisalo, Über die primären ururalischen ableitungssuffixe (= MSFOu LXII), Helsinki 1936, стр. 11—23.

определенных категориях слов или даже отдельных диетимологизированных словах (типа коми *нелямын* 'сорок', *ветымын* 'пятьдесят'). Мы уже писали³ о появлении *j* в конце основы существительных коми-зырянских диалектов (*козй-* 'ель') в тех словах, которые восходят к *e*-основе, и об отсутствии этого *j* в словах, восходящих к *a*-(*ä*)-основе (*сол-* 'соль'). Сюда мы должны присовокупить пример из коми языка XVIII века, а именно *вирьинъ* (*virjin*)⁴ 'в крови', современное коми *вирын*, диал. *вирин*, соответствующее фин. *vere-* и восходящее к *e*-основе.

Мы говорим об отдельных следах двух финно-угорских основ. Нужно сказать, что в ряде финно-угорских языков часто наблюдается или полное исчезновение различия между двумя финно-угорскими основами или же частичное смешение этих основ, выразившееся в переходе слова из одной парадигмы в другую.

Смешение этих двух основ мы иногда видим также в финском и саамском языках. Таким образом, достоверных источников у нас очень мало. В этимологическом словаре венгерского языка⁵, например, мы встречаем много слов (около 60%), в конце которых стоит неопределенный гласный (*э*), например: венг. *áll* < ф.-у. **salkэ-*, венг. *es* < **eэ-*, венг. *fér* < **pэрэ*, венг. *föd* < **pentэ* и т. д.

Перед финно-угорскими языковедами стоит задача сократить количество основ с неопределенными конечными гласными. Для этого нужно отыскать новые материалы из финно-угорских языков.

Мы привлекли здесь данные марийского языка и удорского диалекта коми языка. В марийском языке, как известно, глаголы имеют два спряжения, и теперь доказано, что они возникли на базе двух видов финно-угорских основ: I спряжение образовалось на базе слов *e*-овой основы, II спряжение — на базе слов с *a*-(*ä*)-овой основой. В марийском языке гласные конца финно-угорской основы сохранились в 3-ем лице ед. числа настоящего времени: в I спряжении в форме на *-эш*, а во II спряжении — на *-а* (*-ä*)⁶, например: I спряжение: *колеш* 'слышит', *лектеш* 'выходит', *шочеш* 'рождается', *күлеш* 'нужно', *шуэш* 'киснет' и т. д. (*ш* — какой-то суффикс); II спряжение: *воза* 'пишет', *шула* 'тает', *вонча* 'переходит', *лүйя* 'стреляет', *пыра* 'заходит' и т. д.

В этом отношении большой интерес представляет удорский диалект коми языка, в котором глаголы 3-го лица ед. числа настоящего времени подразделяются на две группы: одни оканчиваются на *-ö* (*-e*), как и в большинстве других коми диалектов (в верхневыхегодском и ижемском *e*, коми-язьвинском *e*), другие глаголы 3-го лица ед. числа настоящего времени имеют окончание *-ас* (во всех других диалектах форма на *-ас* выражает будущее время), например:

³ В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 241—243; его же, Некоторые вопросы вокализма второго слога финно-угорских языков. — Congressus secundus internationalis fenno-ugristarum, pars I, Helsinki 1968, стр. 324.

⁴ З. И. Кузнецова, Язык письменных коми памятников XVIII века. Автореферат канд. дисс., Йошкар-Ола 1968, стр. 13.

⁵ A magyar szókészlet finnugor elemei I, Budapest 1967.

⁶ P. Ravila, Über die entstehung des tscheremissischen konjugationssysteme. — FUF XXV 1938, стр. 1—25; И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка, Йошкар-Ола 1964, стр. 110; В. И. Лыткин, К вопросу о конечной гласной основы глаголов настоящего времени в финно-угорских языках. — Труды МарНИИ, вып. XV, Йошкар-Ола 1961, стр. 49—57.

I тип: *колö* 'нужно', *локтö* 'идет (сюда)', *кулö* 'умирает', *мунö* 'идет' и т. д.

II тип: *вуджас* 'переходит', *удас* 'поит', *куняс* 'закрывает (глаза)', *кежас* 'сворачивает', *увтас* 'лает' и т. д.

Начиная с Видемана многие лингвисты считают, что форма 3-го лица ед. числа настоящего времени имела два окончания (-*ö*, -*ас*) и вторая разновидность (-*ас*) была формой недифференцированного настоящего-будущего времени.⁷ Это неверно. Во всех современных коми диалектах (за исключением удорского) 3-е лицо настоящего и будущего времени по своей форме дифференцированы: окончанием формы настоящего времени служит -*ö* (-*е*), а будущего времени -*ас*. Лишь в удорском диалекте эти два времени не дифференцированы в *ас*-овых глаголах, например:

	I тип		II тип	
	Настоящее время	Будущее время	Настоящее время	Будущее время
3 л. ед. числа	- <i>ö</i>	- <i>ас</i>	- <i>ас</i>	- <i>ас</i>
3 л. мн. числа	- <i>öны</i>	- <i>асны</i>	- <i>асны</i>	- <i>асны</i>

Их ошибка происходит вследствие того, что форма на -*ас* очень часто употребляется в роли прошедшего времени, например: *мунас да керка воас* 'шел, шел и изба приблизилась (букв.: пойдет, пойдет и изба приблизится)'. Эту форму мы называем «будущим повествовательным». Аналогичные формы встречаются и в других языках, например в русском языке: *придет к нему, сядет и молчит*⁹ — по значению прошедшее время, а по форме — будущее.

Эти формы удорского диалекта (вернее, гласные звуки) совпадают с марийскими (а равно финскими и саамскими) формами спряжения (см. таблицу на стр. 237).

Наша наука с полной уверенностью установила наличие в этих словах двух финно-угорских основ (*а*- (*ä*)-овых и *е*-овых).

В удорском диалекте, конечно, есть исключения и смешение основ, при этом наблюдается влияние I типа глаголов на II тип, например: *кодö—кодас* 'роет', *сынö—сынас* 'гребет (веслами)', *нюлö—нюлас* 'лижет' и т. д. Но наиболее архаичные удорские говоры (например верхне-вадский) довольно хорошо сохранили эти два типа спряжения.

На основании приведенного материала мы можем воспроизвести конечный гласный звук в следующих глаголах, ориентируясь на ма-

⁷ F. J. Wiedemann, *Grammatik der syrjänischen Sprache*, St. Petersburg 1884, стр. 116—126; T. E. Uotila, *Syrjänische Chrestomathie*, Helsinki 1938, стр. 54. В следующих работах, которые вышли до грамматики Видемана, мы видим в 3-м лице настоящего времени окончание -*ö*, а в 3-м лице будущего времени -*ас*: A. J. Sjögren, *Ueber den grammatischen Bau der syrjänischen Sprache*, St. Petersburg 1830; H. C. Gabelentz, *Grundzüge der syrjänischen Grammatik*, Altenburg 1841; П. И. Савваитов, *Грамматика зырянского языка*, Санкт-Петербург 1850; И. А. Куратов, *Зырянский язык*. — Вологодские Губернские Ведомости, 1865. Только в «Зырянской грамматике» Флерова (1813), в которой представлен удорский диалект, мы встречаем в недифференцированном настоящем-будущем времени окончания -*ö* и -*ас*; здесь же приведены примеры: *менö ыстöнысь* 'меня посылают', *бур мортось быддыръя любитаснысь* 'хорошего человека всегда любят', *кодй лыдьдясь* 'который читает', *сыя гежась* или *гежö* 'он пишет', *менымь колö гежнысь* 'мне надо писать'.

⁸ Современный коми язык, Сыктывкар 1955, стр. 214.

⁹ Грамматика русского языка I, Москва 1952, стр. 488.

Коми уд.		Морд.	Мар.	Фин.	Саам.	Венг.	Примечания
Коми уд. <i>ö</i> -основы (ф.-у. * <i>e</i>) ¹⁰							
кылö	'слышит'	кулэ-	колеш	kuule-	gulá-	—	
локтö	'идет (сюда)'	—	лекеш	lähte-	—	—	
вылö:							
олö-вылö	'живет-поживает'	улэ-	улеш	ole-	—	val-, vol-	
юö	'пьет'	—	йүэш	juo-	jugá-	iv-	
колö	'надо'	—	келеш	—	gál'gá-	këll	
сэйö	'ест'	севе-	—	syö-	—	ëv-	
вайö	'приносит'	—	—	vie-	—	viv-	
лоö	3 л. ед. ч. от 'быть'	—	лиеш *	lie-	lä-	lë-, lëv-	
пелö	'боится'	пеле-	—	pelko	bálá-	fél-	
пурö	'кусает'	поре-	пуреш	pure-	borá-	—	
пуö	'кипит'	пие-	—	—	—	fö	MSzFE I
содö	'прибывает'	—	—	synty-	sád'dát	ell-	(< * <i>edl</i> -) MSzFE I
Коми уд. <i>a</i> -основы (ф.-у. * <i>a</i> , * <i>ä</i>) ¹¹							
удас	'поит'	андо-	омта	anta-	vuow'de-	ad-	
олас (олö)	'живет'	—	ила	elä-	æle-	él-	
вотас	'сбирает'	—	—	otta-	—	—	
көвтас	'вылавливает'	—	—	kulta-	gol'det	—	SKES II
кутас	'держит'	кунда-	—	*kunta-	god'det	—	SKES II
куняс	'закрывает (глаза)'	көня-	кума	—	—	huny-	NyH, 47

рийский язык и коми удорский диалект — до сих пор в этих словах реконструировался неопределенный гласный (э):

уд. *орö* 'обрывается', мар. *уреш* (мое сопоставление), венг. *árt* (MSzFE I) < **are*-;

уд. *сöлö* 'садится (на лошадь, в сани)', венг. *†ellik* (MSzFE I) < **säle*-;

уд. *усö* 'падает', венг. *esik* (MSzFE I) < **ece*-;

уд. *пыдзö* 'выжимает', венг. *facsar* (MSzFE I) < **puce-rz*;

уд. *пырас* 'заходит', мар. *пура*, венг. *fér* (MSzFE I) < **përä*;

уд. *чинö* 'убывает', венг. N. *csünik* (MSzFE I) < **ëne*-;

Данные коми удорского диалекта позволяют нам воспроизвести финно-угорские конечные гласные также в следующих словах (мы приводим примеры только из языков, в которых сохранилось различие между двумя финно-угорскими основами):

¹⁰ E. Itkonen, Die Laut- und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache. — UAJb. XXXIV 1962, стр. 200. Сопоставления взяты из В. Collinder, Fennougric Vocabulary, Stockholm 1955 (= FUV). В случае другого источника — он отмечен специально (NyH = J. Szinnyei, Magyar nyelvhasznítás, Budapest 1927). В источниках удорская форма слова, конечно, отсутствует. Примеры по марийскому, мордовскому и коми языкам даны в орфографическом написании.

¹¹ E. Itkonen, указ. раб., стр. 200.

Финно-угорское *e

- уд. *дõмõ* 'чинит, ставит заплатки', саам. *duogñá* (FUV);
 уд. *каõ* 'поднимается', мар. *каеш*, эрз. *кае-* (Y. H. Toivonen, FUF XXXI 1953, 125);
 уд. *кольõ* 'остаётся', мар. *кодеш*, морд. *кадо-* (FUV);
 уд. *кõрõ* 'морщит, корчит', фин. *kuro-*, саам. *gorâ-* (FUV);
 уд. *кызõ* 'кашляет', морд. *козо-*, саам. *gosâ-* (FUV);
 уд. *тшужõ* 'рождается, всходит', мар. *шочеш*, эрз. *чачо-* (FUV).

Финно-угорское *a (*ä)

- уд. *аддзас* 'видит', мар. *онча* (мое сопоставление);
 уд. *вуджас* 'переходит', мар. *вонча* (Y. H. Toivonen, FUF XIX 1928, 117);
 уд. *кырас* 'колет, режет', мар. *кора* 'распаривает, чертит', морд. *коро-* 'резать, высекать' (мое сопоставление);
 уд. *кымас* 'зябнет, мерзнет', фин. *kylmä*, саам. *gâlmâs* (SKES II);
 уд. *увтас* 'лает', мар. *опта*, лив. *utã'b* (T. E. Uotila, Syrjänische Chrestomathie, 172);
 уд. *шургас* 'журчит (ручей)', мар. *шурга* 'шумит (обычно о детях)' (мое сопоставление);
 уд. *дзожгас* 'шипит (жир на огне)', мар. *чо жга* 'шипит (о сырых дровах)' (мое сопоставление);
 уд. *корас* 'просит', фин. *kerjää-* (FUV).

Плохо изучены также огласовки словообразовательных аффиксов. Данные удорского диалекта вносят некоторую ясность и в этот вопрос. Но это — тема особой работы.

V. I. LYTKIN (Moskau)

ZUR FRAGE ÜBER DIE AUSLAUTENDEN VOKALE DER FINNISCH-UGRISCHEN GRUNDSPRACHE

Es ist bekannt, daß in der finnisch-ugrischen Ursprache die Stämme zweifacher Art waren: einige endeten auf *e und andere auf *a (*ä). Der Unterschied zwischen diesen zwei Stämmen hat sich gut in der finnischen Sprache und in den Westdialekten der lappischen Sprache erhalten. Aber es gibt noch viele Wörter, deren Zugehörigkeit zum bestimmten Stamm nicht geklärt ist.

Bei der Feststellung der Wortzugehörigkeit (der Verben) zu jenem oder anderem Stamm liefern uns Beispiele die marische Sprache und der utorische Dialekt der Komi-Sprache, in denen sich noch Spuren der zwei finnisch-ugrischen Stämme erhalten haben. Wie schon bekannt ist, bildete sich die erste Konjugation der marischen Sprache auf Grund der finnisch-ugrischen e-Stämme, und die zweite Konjugation — auf Grund der a(-ä)-Stämme; in der dritten Pers. Sing. Pr. der ersten Konjugation hat sich der finnisch-ugrische Vokal im Formant -eš: *лектеш* 'er geht aus' erhalten, und in der zweiten Konjugation — im Formant -a(-ä): *кума* 'er kneift zusammen'. Im utorischen Dialekt der Komi-Sprache gibt es auch zwei Formen, die den zwei Konjugationen marischer Sprache entsprechen: *кылõ* 'er hört', мар. *колеш*, finn. *kuule-*; удор. *пурõ* 'beißt', мар. *пуреш*, finn. *pure-*; удор. *увтас* 'bellt', мар. *опта*, лив. *utã'b*; удор. *удас* 'gibt zu trinken', мар. *опта*, finn. *anta-* usw. Von den Beispielen der marischen Sprache und des komi-utorischen Dialektes Gebrauch machend, können wir die Zahl der finnisch-ugrischen Wörter bedeutend verringern, deren auslautenden Vokal man nicht bestimmen konnte.